

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что Аомамэ является логико-сенсорным интровертом (тип инспектор), а Тэнго – сенсорно-логическим интровертом (тип мастер). Согласно Аушре Аугустинавичюте, данные типы информационного метаболизма находятся в отношениях квазитождества [Аугустинавичюте 1998: 261-262]. Это означает, что в их сознании существует некоторая параллельность, выражающаяся в общности интересов [Аугустинавичюте 1998: 262]. Возможно, именно этим и можно объяснить то, что еще в детстве они испытывали некую заинтересованность друг в друге и каждый из них по-своему сопереживал другому. Однако при подобных отношениях подходы к выполнению одного и того же дела и восприятие мира у двух людей значительно различаются, что приводит к непониманию. Тем не менее, квазитождественные типы ИМ именно благодаря своим кардинальным различиям могут сосуществовать мирно, без ссор и обид [Аугустинавичюте 1998: 262].

Таким образом, анализ персонажей с точки зрения соционики позволил нам более четко проследить мотивацию поступков и характер взаимодействий героев, которые могут быть объяснены не только авторским произволом, но и логикой соционического типа.

### Список литературы

Аспектоника. Аспекты информации [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://model-a.narod.ru/aspectonica.html> (дата обращения: 04.02.2013).

*Аугустинавичюте А.* Соционика. Введение / А. Аугустинавичюте. – СПб. : Terra Fantastica, 1998. – 446 с.

*Вайсбанд И.* Характеристика основных признаков типа личности / И. Вайсбанд // Библиотека литературы по соционике [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://socionik-spb.narod.ru/> (дата обращения: 04.02.2013).

*Мураками Х.* 1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре. Кн. 1 : Апрель – июнь / Харуки Мураками ; [пер. с яп. Д.В. Коваленина]. – М. : Эксмо, 2012. – 576 с.

*Мураками Х.* 1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре. Кн. 2 : Июль – сентябрь / Харуки Мураками; [пер. с яп. Д.В. Коваленина]. – М. : Эксмо, 2012. – 544 с.

*Мураками Х.* 1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре. Кн. 3 : Октябрь – декабрь / Харуки Мураками ; [пер. с яп. Д.В. Коваленина]. – М. : Эксмо, 2012. – 512 с.

## ПУТИ ФЕМИНИЗАЦИИ БРИТАНСКОГО МОДЕРНИСТСКОГО КАНОНА

*Ю.Ю. Трубникова*

*Научный руководитель: Е.Г. Доценко,  
доктор филологических наук, профессор (УрГПУ)*

Прежде чем приступить к рассмотрению процесса феминизации британского модернистского канона, думается, необходимо кратко

осветить современный научный контекст, в котором происходят попытки трансформации устоявшихся воззрений на литературный модернизм.

В англо-американском литературоведении последнего времени прослеживаются тенденции к переосмыслению и расширению концепции литературного модернизма в различных аспектах:

– **географически:** результатом процессов глобализации стали поиски модернизма за пределами англо-американской и европейской традиций, сравнительное исследование международного мышления и национальных литератур в период модернизма, что привело к возникновению и развитию концепции «глобального модернизма» [Wollaeger 2012] как явления мировой культуры. Эти тенденции не обошли вниманием и женскую литературу. Постепенно открывается не менее масштабное разнообразие пространственных локусов внутри британского женского модернизма: узнаваемые английские ландшафты и урбанистические пространства романов Вирджинии Вулф дополняются, например, экзотическими тропическими лесами островов Вест-Индии в творчестве Джин Рис, фьордами безымянных северных стран у Анны Каван и т.д. Бонни Кайм Скотт пишет в главе «Модернизм и гендер» одного из справочников по модернизму, что «травелоги, подобные “Черному агнцу и серому орлу” Ребекки Уэст, можно равным образом превратить в принципы, эстетику или же манифест модернизма» [Kime Scott 2006: 539]. Путешествия британских модернисток, их литературные контакты в странах пребывания, путевые заметки, статьи, произведения, отражающие впечатления от новых стран, будучи примером женского письма, приобретают значимость, и, расширяя географию модернизма, становятся предметом как специальных исследований [Sturm 2010], так и конференций (Moving Dangerously: Women and Travel, 1850-1950);

– **хронологически:** для большинства исследователей хронологические рамки развития британского модернизма включают период с 1890 по 1940 гг. Эта устоявшаяся точка зрения закреплена и в авторитетном Кембриджском справочнике по модернизму [Levenson 2006]. Но признаки модернизма обнаруживаются в текстах как более ранних периодов, так и более поздних. Так, некоторыми исследователями предлагается включать в историю модернистского литературного процесса период декаданса и «позднего» модернизма, когда он утрачивает свои передовые позиции (особый интерес здесь представляют концепции хронологии женского модернизма, а также развитие модернизма в экспериментальной женской прозе после 1940 года).

Эти примеры говорят о том, что в современном научном дискурсе идет активный пересмотр устоявшихся точек зрения на модернизм, главной причиной которого становится, в первую очередь, открытие

новых имен и произведений, доступных для читателей из разных уголков Земли, что во многом происходит благодаря стремительному развитию информационных технологий. Модернизм продолжает активно раскрываться в современности не только в свете новых научных теорий, но и в виртуальном пространстве: создаются обширные библиотеки с текстами произведений и исследований, базы данных, Интернет-проекты (например, The Modernism Lab Йельского университета или совместный The Modernist Journals Project Брауновского университета и университета Талсы) и блоги с разнообразным визуальным контентом – например, <http://modernistwomen.tumblr.com> или <http://bloggingwoolf.wordpress.com>, – посвященные различным аспектам модернизма. С другой стороны, следует учитывать, что Интернет-ресурсы представляют довольно субъективный и не всегда структурированный отбор информации, скорее производя определенное впечатление, чем претендуя на объективность.

Расширение канона модернизма происходит и за счет гендерных исследований, которые приносят новые имена и интерпретации. В настоящей статье мы обращаемся к процессу и путям феминизации британского модернистского канона – «гендерной» концепции истории британского литературного модернизма, которая исследует вклад женщин в его развитие. Первые гендерные дискуссии о модернизме возникают в 1970-х, во время второй волны феминизма. Зачастую авторы подобных работ предпочитают рассматривать писательниц англо-американского модернизма. К нынешнему моменту уже наблюдается разнообразие значительных исследований творчества писательниц модернизма, в которых сосуществуют разные пути и подходы к феминизации британского модернистского канона. Рассмотрим некоторые из них:

– «women of 1928» versus «the men of 1914»: деление на мужской и женский модернизм. Данная позиция критикует патриархальное доминирование в британском модернизме, когда героями своего времени провозглашаются исключительно мужчины. Фраза «the men of 1914» принадлежит Уиндему Льюису, который имел в виду Джойса, Паунда и Элиота [Kime Scott 1989: 168]. Подобное восприятие модернизма наложило свой отпечаток и на интерес исследователей: предпочтение отдавалось мужчинам-писателям, и их воззрения становились определяющими при выделении особенностей, признаков и путей эволюции модернизма, что на протяжении довольно длительного периода формировало британский модернистский канон. При таком подходе может сложиться мнение, что модернизм был плодом исключительно мужской интеллектуальной мысли [Felski 1995: 24; Garrity 2003: 19; Kime Scott 2008: 535]. Но это существенно сужает модернизм. Например, в выпуске американского модернистского журнала «The Little Review» за

июль-август 1920 года вместе с 13-м эпизодом романа «Улисс» опубликованы работы М. Баттс и Дж. Барнс. Теоретики женского модернизма расставляют иные акценты: «женщины 1928 года» – термин авторитетной исследовательницы гендерных вопросов модернизма Бонни Кайм Скотт, рассматривающий наиболее продуктивный период в развитии женского модернизма, относительно произведений В. Вулф, Р. Уэст и Дж. Барнс. Кроме этого, 1928 год примечателен законодательным закреплением права голоса для британских женщин, что, в свою очередь, учитывает вклад активисток суфражистского движения. Также в 1928 году Вирджиния Вулф выступает в женских колледжах с докладами на тему «Женщина и литература», которые стали основой эссе «Своя комната». Списки представительниц женского модернизма варьируются в различных источниках, но, тем не менее, существуют некоторые общие моменты. Специфичными чертами данного пути являются: выделение женщин модернизма в отдельный, очищенный от маргинализирующих патриархальных мизогиничных воззрений, «поток» модернизма, исследование женского творчества с позиций соответствия формальным и стилистическим аспектам модернистского произведения, изучение взаимосвязей между писательницами, переиздание их произведений, переоценка их вклада в модернизм и анализ специфики фемининности (включая сравнительную характеристику мужского и женского модернистского письма) в их творческих практиках. Более «продвинутый» уровень гендерного анализа модернизма предполагает внимание к сложной диалектике мужского и женского в историческом контексте, как в творчестве мужчин-модернистов, так и женщин, а также внимание к ведущим гендерным конструктам модернизма, сформированным теориями З. Фрейда, О. Вейнингера и др. мыслителей. Другой вариант «концентрации» на женском модернизме предполагает «понимание женского модернизма в его собственных способах выражения» [Tova Linett 2010: 4], что соответствует установкам самих писательниц – представить в своих произведениях собственный, отличный от мужского, взгляд на женский опыт, отношения, литературу, религию, политику, историю и т.д.

– «Новая женщина» как модернистская новация. Как отмечает Н.И. Бушманова, «в 90-е годы XIX в. в Англии произошёл важный переворот: жизненные стереотипы XIX в. сменились на новые. Родился человек нового столетия. Его рождение в немалой степени связано с кардинальными изменениями положения женщин» [Бушманова 1996: 27], которые связываются с обретением ею самостоятельности в публичной сфере. Важной причиной выхода женщины за пределы жизни, ограниченной домом и семьей, стала Первая мировая война: возросла

востребованность женского труда на производстве боеприпасов, а также женская мобильность в случае работы медсестрами или в добровольческих отрядах на фронте [Tova Linett 2010: 4-6]. Британский модернизм невозможно представить без критики консерватизма и отказа от условностей предшествовавшей эпохи. «Ангел в доме» как раз был таким устаревшим викторианским концептом женственности, который стал мишенью для критики суфражисток, инспирировавших своими акциями и литературными опытами радикальный сдвиг в сторону другой крайности – т.н. «Новой женщины»: «независимой, образованной, (сравнительно) сексуально свободной, ориентированной больше на продуктивную жизнь в обществе, чем на репродуктивную в рамках дома» [DeKoven 2006: 174]. Эти события помогают укрепить самостоятельность женщины в обществе, но до получения реальных прав и равенства с мужчинами еще довольно далеко. Коренные изменения в женском самосознании, дискуссии о назначении художника в современном мире и женской литературе, объекте «столкновения людских предубеждений и страстей», становятся частью теорий и практик модернизма. Здесь традиционно отдается дань трудам Вирджинии Вулф, Дороти Ричардсон, Мей Синклер, эстетические и теоретические идеи которых стали мощным толчком для последующих гендерных и феминистских штудий.

– «традиция и женский талант»: женский модернизм как часть истории британской женской литературы. О проблеме традиции в британской женской литературе размышляла еще В. Вулф в эссе «Своя комната». Она обнаруживает, что за писательницами XIX века не стоит литературной традиции и им «не от чего оттолкнуться в языке» – нет матерей, на которых можно было бы оглянуться, а в пространстве мужской литературы бесполезно искать подспорье – их громоздкие суждения не годятся для женского письма. По мнению британской модернистки, только Джейн Остен и Эмили Бронте писали как женщины. И если заглянуть еще глубже в историю английской литературы, ситуация покажется более удручающей. Так рождается миф о талантливой, но безвестной сестре Шекспира. Вулф предполагает, что автором многих безымянных стихотворений могла быть женщина. Задачу современных писательниц она видит в том, чтобы зажечь «факел в просторной палате, где до нее еще никто не бродил», подразумевая освещение ранее неизвестного литературе женского мира. Напрашивается сравнение с суждениями другого значительного представителя британского модернизма – Т.С. Элиота. В программном эссе «Традиция и индивидуальный талант» (1919) он пишет, что индивидуальный талант настоящего поэта словно «растворяется» в европейской литературной традиции «от Гомера до наших дней», опоре, которая симультанно

существует в «сегодняшнем моменте прошлого». Нам, «обыкновенным читателям» XXI века, кажется, что теперь-то можно сказать, что британская литература отличается сильной женской традицией, которая ныне набирает популярность, становясь наглядно зримой. Но сопоставление двух вышеназванных эссе говорит о необходимости яснее очертить развитие модернистской женской литературы Британии, чтобы наиболее полно понять ее самосознание, диалоги, которые ведутся в ней вне времени. Для истории женского модернизма важно определить истоки, периодизацию, поколения писательниц, их вклад в развитие направления. Отечественный англист Н.П. Михальская пишет, что основательницами литературы модернизма были Д. Ричардсон, первой начавшая литературные эксперименты в русле «потока сознания», и М. Синклер, которая ввела термин «поток сознания» в литературно-критический обиход, анализируя творчество Д. Ричардсон [Михальская 2009: 310]. В феминистских трудах подчеркивается особая роль В. Вулф как влиятельной матери-основательницы британского женского модернизма, с творчеством которой сравниваются (точнее, «обречены» на сравнение) работы менее известных писательниц. В исследовании «*Breaking the Sequence: Women's Experimental Fiction*» предпринимается попытка выделить три поколения англо-американских писательниц, представляющих экспериментальную литературу, среди которых ближе к модернизму первые два: первое поколение – до 1930 г. (Д. Ричардсон, В. Вулф, Г. Стайн), второе поколение – 1930-1960 гг. (Дж. Рис, Дж. Барнс, Дж. Боулз, Х. Дулитл, А. Нин). В «*The Cambridge Companion to Modernist Women Writers*» проблема хронологического развития в женском модернизме рассматривается сквозь призму этапов трансформации жанра романа: 1900-1919, 1920-е, 1930-е. Исследователей больше привлекает изучение личного вклада, базовых смысловых концептов, творческой эволюции отдельных писательниц модернизма и методологические подходы к ним, поэтому вопрос о хронологических границах женского модернизма еще требует развернутого анализа.

Пути феминизации британского модернистского канона, будучи частью значительного научно-исследовательского корпуса работ по модернизму, выполняют важную функцию гуманизации литературного процесса, внося новые представления о становлении британского модернизма, а также встраивая женское творчество в динамику развития художественного сознания XX века.

### Список литературы

Бушманова Н.И. Проблема интертекста в литературе английского модернизма (проза Д.Х. Лоуренса и В. Вульф) : дис. ... д-ра филол. наук / Н.И. Бушманова. – М. : [б.и.], 1996. – 401 с.

*Вулф В.* Своя комната / Вирджиния Вулф // Эти загадочные англичанки / сост. и авт. предисл. Е.Ю. Гениева. – М., 1992. – С. 81-155.

История английской литературы : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. пед. учеб. заведений / под ред. Н.П. Михальской. – М. : Academia, 2009. – 480 с.

*Элиот Т.С.* Традиция и индивидуальный талант / Т.С. Элиот // Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. / под ред. Л.Г. Андреева. – М., 1986. – С. 476-482.

*Breaking the Sequence: Women's Experimental Fiction* / ed. by E.G. Friedman and M. Fuchs. – Oxford : Princeton UP, 1989. – 325 pp.

*Dekoven M.* Modernism and gender / M. Dekoven // *The Cambridge companion to modernism* / ed. by Michael Levenson. – Cambridge, 2006. – Pp. 174-193.

*Felski R.* The gender of modernity / R. Felski. – Cambridge : Harvard UP, 1995. – 247 pp.

*Garrity J.* Step-daughters of England: British women modernists and the national imaginary / J. Garrity. – Manchester : Manchester University Press, 2003. – 349 pp.

*Kime Scott B.* Jellyfish and Treacle: Lewis, Joyce, Gender and Modernism / B. Kime Scott // *Coping with Joyce: Essays from the Copenhagen Symposium* / ed. by M. Beja and S. Benstock. – Columbus, 1989. – 168-179 pp.

*Kime Scott B.* Modernism and Gender / B. Kime Scott // *A Companion to Modernist Literature and Culture* / ed. by David Bradshaw and Kevin J.H. Dettmar. – Cornwall, 2006. – Pp. 535-541.

*Kime Scott B.* Refiguring Modernism: Women of 1928 / B. Kime Scott. – Bloomington : Indiana University Press, 1995. – 318 pp.

*Sturm J.* Anna Kavan's New Zealand: A Pacific Interlude in a Turbulent Life / J. Sturm. – Auckland : Vintage Book, 2009. – 279 pp.

*The Cambridge Companion to Modernist Women Writers* / ed. by M. Tova Linett. – New York ; Cambridge : Cambridge UP, 2010. – 252 pp.

*The Oxford Handbook of Global Modernisms* / ed. by M. Wollaeger. – New York : Oxford UP, 2012. – 740 pp.

## **КОНЦЕПТ НАЦИ В РОМАНЕ ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА «ИЗГНАНИЕ»<sup>1</sup>**

*О.И. Праздничных*  
*Научный руководитель: А.С. Поршнев,*  
*кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)*

Лион Фейхтвангер (1884-1958) – немецкий писатель еврейского происхождения, один из наиболее читаемых в мире немецкоязычных авторов. Он работал преимущественно в жанре исторического романа, однако в сфере нашего внимания – одно из его произведений, посвященных современникам и принадлежащих к менее объемной части его творческого наследия.

---

<sup>1</sup> Работа поддержана грантом Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1009.2012.6.